УДК 81'366

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-68-77

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИМ РАЗРЯДОМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО?

Шарандин А. Л.*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина**392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обосновать нетрадиционный взгляд на языковой статус имени собственного как особого структурно-семантического типа слов.

Процедура и методы. Автором использован описательный метод, проанализирован теоретический и практический материал, который позволяет увидеть противоречия в традиционном подходе к имени собственному как лексико-грамматическому разряду существительного.

Результаты. Проведённый анализ показал, что традиционный подход не учитывает особенностей индивидуальной характеристики, присущей имени собственному. Представлен вывод о том, что имена собственные представляют собой особый тип языковых знаков и выделяются не в системе части речи, а в системе структурно-семантических типов слов. Это позволяет уточнить систему лексико-грамматических разрядов существительного как части речи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Статья вносит вклад в развитие концепции В.В. Виноградова о структурно-семантических типах слов и частях речи, а также в разработку теории имени собственного в контексте лексико-грамматического подхода к частям речи.

Ключевые слова: часть речи, существительное, лексико-грамматический разряд, имена собственные, структурно-семантический тип слов

ARE PROPER NAMES LEXICO-GRAMMATICAL CATEGORY OF A NOUN?

A. Sharandin*Derzhavin Tambov State University**33 Internatsionalnaya ul., Tambov 392000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To substantiate an unconventional view of the linguistic status of a proper name as a special structural and semantic type of words.

Methodology. The author uses a descriptive method to analyze theoretical and practical material, which allows us to see the contradictions in the traditional approach to the proper name as a lexical and grammatical category of a noun.

Results. The analysis showed that the traditional approach does not consider the peculiarities of individual characterization inherent in the proper name. It is concluded that proper names represent a special type of language signs and are distinguished not in the system of parts of speech, but in the system of structural and semantic types of words. This allows us to clarify the system of lexical and grammatical categories of the noun as a part of speech.

Research implications. The article contributes to the development of V. Vinogradov's concept of structural and semantic types of words and parts of speech, as well as to the development of the theory of proper names in the context of the lexical and grammatical approach to parts of speech.

Keywords: part of speech, noun, lexical and grammatical category, proper names, structural and semantic type of words

Введение

Традиционно имена собственные (ИС) выделяются в составе существительного как части речи в качестве одного из лексико-грамматических разрядов (ЛГР), поскольку имеют языковую специфику, которая отличает их в системе ЛГР существительного. Чем обусловлено рассмотрение ИС как ЛГР именно в составе существительного? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости разграничения частей речи (ЧР) и ЛГР как сущностей языковой классификации. Поэтому важно установить принцип выделения ЧР и ЛГР в классификационной (таксономической) деятельности человека. Данный принцип может быть общим для слов, и в этом случае он выполняет объединяющую (инвариантную) функцию, но общий принцип может иметь частный (вариантный) характер своей реализации внутри себя, т. е. допускать частичную реализацию, которая, однако, не выходит за рамки реализации общего принципа.

В этом плане, как известно, ЧР выделяются большинством исследователей на основе лексико-грамматического принципа. ЛГР также отражает данный принцип, что позволяет выделять **у ЧР и ЛГР ряд общих признаков**. К числу таких признаков русисты относят следующие: 1) **наличие единого категориального признака**, присущего значениям всех слов, входящих в тот или иной класс; 2) **наличие общих синтагматических характеристик**; 3) **наличие общих парадигматических свойств**. Таким образом, лексико-грамматический принцип, т. е. учитывающий взаимосвязь лексической и грамматической сторон слова как объекта классификации, оказывается общим принципом для выделения ЧР и ЛГР. В силу этого различие между ЧР и ЛГР оказывается обусловленным понятиями «класс слов» (ЧР) и «разряд слов» (ЛГР), поскольку атрибуты по отношению к ним одинаковые. Понятие же «класс» отличается от понятия «разряд» по линии «множество – подмножество», т. е. мы имеем дело с соотношением понятий класса и подклассов [8].

Естественно, прежде всего их различает количественный показатель: класс объединяет большее количество слов, чем подкласс (разряд). По мнению А. В. Бондарко, различия между ЧР и ЛГР связаны с тем, что они «находятся на разных ступенях семантической иерархии и характеризуются разным отношением к лексике. Части речи обладают категориальными значениями, которые охватывают всю лексику внутри данного грамматического класса слов и являются нечувствительными по отношению к различиям между отдельными группировками этой лексики и между индивидуальными лексическими значениями слов...». ЛГР «присущи значения иного типа. Они охватывают лишь определённые группы лексики внутри данной части речи и потому могут быть чувствительными к различиям между лексическими значениями группировок слов и отдельных лексических единиц» [1, с. 161]. Именно это и обуславливает различия в способе описания их лексической семантики. Семантические определения ЛГР оказываются конкретизацией общего (инвариантного) значения части речи и также должны быть квалифицированы как лексические по своей сущности, но только менее абстрактные по отношению к лексической семантике ЧР. Следовательно, **в ЧР и ЛГР мы имеем разные степени лексического абстрагирования**.

Конкретизация лексической семантики в ЛГР находит своё отражение в конкретизации по линии грамматических характеристик. Если на уровне ЧР состав парадигмы грамматической категории не выполнял классифицирующей функции, то на уровне ЛГР именно признак состава парадигмы приобретает классифицирующую функцию. В ЛГР актуализируется признак соотносительности / несоотносительности компонентов той или иной грамматической категории. Она может быть полной для одних слов ЧР, а для других – неполной (дефектной). Ср. в составе существительного слова *стол* и *изюм*, в составе прилагательного – *добрый* и *дере-*

вянный, в составе глагола – *читать* и *светить* и т. д.

Итак, принцип выделения частей речи существенно отличается от критерия выделения ЛГР, что обусловлено особенностями их лексико-грамматических характеристик.

Для выделения части речи важен не посредственный набор грамматических категорий как таковых по принципу «есть – нет» («наличие – отсутствие»), безотносительно к компонентам морфологической категории. Данная особенность обусловлена сущностью семантической природы частей речи, которая определяется в высшей степени абстрагированным понятием, позволяющим включить в состав той или иной части речи лексемы различной конкретной лексической семантики. Это значит, что, определяя часть речи с точки зрения семантики, мы имеем дело с абстрактной лексической семантикой, которая выполняет интегрирующую функцию. Следовательно, семантические определения ЛГР оказываются конкретизацией общего (инвариантного) значения части речи и также имеют абстрактную лексическую семантику, но только более конкретную по сравнению с семантикой части речи. Конкретизация осуществляется и по линии грамматических характеристик. Если на уровне части речи состав парадигмы грамматической категории не играл существенной роли, то **на уровне ЛГР именно признак состава парадигмы приобретает классифицирующую функцию**. В результате ЛГР отражает взаимосвязь и взаимодействие лексики и грамматики [9].

Имена собственные в традиционном аспекте

Рассмотрим в этом плане ЛГР имён собственных. Они выделяются по признаку названия предмета как индивидуально-го, т. е. **называют единичные предметы в своём классе** (*Лариса, Москва, Волга*). Именам собственным противопоставляются нарицательные существительные, которые являются обобщёнными названи-

ями однородных предметов (*дом, собака, кресло*). Среди собственных имён различают имена собственные в узком смысле этого слова и в широком, включающем наименование. В *узком смысле* – это имена собственные, которые обозначают имена людей, клички животных, географические и астрономические названия. В *качестве наименований* могут использоваться нарицательные существительные (журнал *«Здоровье»*, роман *«Идиот»*), сочетания слов (газета *«Комсомольская правда»*, газета *«Город на Дне»*, роман *«Война и мир»*, город *«Набережные Челны»*) и даже предложённые структуры (пьеса *«Не в свои сани не садись»*, роман *«Как закалялась сталь»*). В качестве наименований могут использоваться и имена собственные (гостиница *«Москва»*, корабль *«Нахимов»*).

Семантика имён собственных обуславливает их **грамматические особенности**: они *не имеют противопоставления по числу* и поэтому представлены, как правило, формой ед. числа. Во мн. числе имена собственные употребляются редко (*Гималаи, Афины*). Чаше их употребление во мн. числе связано не с индивидуальным обозначением предмета, а с обозначением, например, разных лиц с одинаковым именем (*в нашей группе пять Ирин*), лиц, находящихся в родственных отношениях (*супруги Орловы, семейство Петровых*). В этом случае мн. число характеризует, скорее всего, то количество, которое заложено в определяемом слове. Дело в том, что **в синтаксическом плане** имена собственные выполняют *функцию приложения*, т. е. определения, которое выражено именем собственным по отношению к другому существительному, но при этом падежное согласование оказывается факультативным признаком (ср.: *в романе «Мать», на корабле «Нахимов»*). В случае представления имён собственных наименованиями типа *роман «Как закалялась сталь»* ни о каком согласовании речь не идёт.

В качестве **орфографической приметы** используется написание имён собственных с прописной (большой) буквы.

Спорные вопросы в описании имени собственного

Признавая имена собственные словами, мы тем самым признаём и наличие у них *знаменательности*, т. е. номинативной функции, связанной с обозначением предметов и явлений действительности. При этом номинация имеет *назывной характер*, о чём свидетельствует способность имён собственных сочетаться с прилагательными в атрибутивной функции (*красивая Москва, высокие Гималаи, бескрайняя Волга*). Этим номинация имени собственного отличается от номинации местоимений, которые не называют, а указывают на предметы и явления действительности. И поэтому местоимения не сочетаются с прилагательными в атрибутивной (определяющей) позиции (А. А. Уфимцева) (**высокий я, *красивый кто*).

Однако *специфика лексического значения имени собственного выявляется не в противопоставлении местоимениям, а в противопоставлении классу нарицательных существительных*. У нарицательных существительных название связано с предметно-понятийным осмыслением объектов действительности. Имена собственные такого *предметно-понятийного обобщения не имеют*. Они путём названия выделяют объект из ряда других объектов, однородных с ним, индивидуализируя его обозначением посредством особого языкового знака – слова или словосочетания. И с этой точки зрения нарицательные существительные и имена собственные *различаются характером отражения названия* в их номинации. «У собственных имен нет общего значения, так же как у нарицательных нет индивидуального» [4, с. 325].

Важным моментом для понимания номинативной специфики имени собственного является его *связь с предметом* (объектом), который оно определяет. По мнению А. В. Суперанской, «собственное имя не мыслится вне связи с предметом» [4, с. 325].

В этом случае мы имеем своего рода **антиномию**: имена собственные сами по

себе не являются семантически значимыми единицами, оказываясь своего рода «пустыми» словами, но они оказываются семантически значимыми в составе субстантивного оборота (комплекса), который включает предметно-понятийное слово (нарицательное существительное) и имя собственное в роли его определения (приложения). В результате можно говорить об имени собственном как значимой части этого оборота (комплекса). При этом значимость связана с семантикой, а не с понятием функциональности.

В какой-то степени такая антиномия ассоциируется с антиномией по отношению к морфеме: сама по себе морфема не является семантически значимой единицей, но, являясь частью семантически значимого слова, морфема получает семантическое значение. Здесь также значимость связана с семантикой, а не с функциональностью. Отсюда и разное отношение к интерфиксам: семантически они не значимы, но функционально значимы, выполняя структурную функцию. Поэтому если значимость определяется в функциональном смысле, то интерфиксы могут претендовать на статус морфем как значимых частей слова. Если же значимость определяется в семантическом смысле, то интерфиксы морфемами не являются, поскольку они семантически пусты, семантически не значимы [7].

Как известно, в антиномии мы имеем справедливость обеих её частей. Поэтому по отношению к имени собственному справедливо мнение и тех исследователей, которые отрицают наличие значения у него, выделяя лишь функциональную значимость (А. А. Реформатский, Е. М. Галкина-Федорук и др.), и тех исследователей, которые определяют имя собственное как слово, имеющее не только определённую функцию, но и значение предметно-непонятийного типа (В. А. Никонов, А. В. Суперанская и др.). Кроме того, за ИС может признаваться понятийное содержание в его нетрадиционном понимании – без обобщающего характера, т. е. признаются единичные понятия, отражающие

единичные денотаты (О. И. Фонякова). Так, по мнению О. И. Фоняковой, «имя собственное – универсальная функционально-семантическая категория имён существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевлённых и неодушевлённых), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [6, с. 21].

Специфика имён собственных позволяет А. А. Уфимцевой считать их «лексически неполноценными, ущербными (выделено – А. Ш.)», полагая, что: «...имена собственные, в противоположность нарицательным, ограничиваются одной функцией – обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые предметы, лица, без указания на качественную, содержательную характеристику данного индивидуума или единичного предмета, факта» [5, с. 42].

На наш взгляд, мнение о «лексической неполноценности» имени собственного наводит на мысль о сравнении его с именем числительным, называя функция которого осознаётся и получает языковую поддержку в нумеративных оборотах (комплексах) типа *три книги, десять тетрадей*. Эти обороты часто рассматриваются как особый тип словосочетаний – *комплетивных*, т. е. в них числительное требует необходимого смыслового добавления, которое восполняет информативную недостаточность главного слова. В результате количественно-атрибутивное согласование определяет восприятие количества предметов. Количество не воспринимается в отдельности от предметов, которое оно определяет, а как бы сливается в единое целое с предметом и оказывается своего рода единым предметом (субъектом) или объектом мысли, выступая в качестве одного члена предложения (*Пять книг лежали на столе / Я увидел на столе пять книг*).

В этом плане имя собственное, являясь приложением, также обуславливает смысловое добавление, которое обеспечивает информативное восполнение и тем самым обеспечивает

информационную полноценность сочетания имени собственного и нарицательного существительного. Поэтому не случайно А. М. Суперанская отмечает «повышенную предметность» имени собственного, имея в виду его тесную связь с именуемым им объектом (предметом). Для того чтобы понять его сущность, необходимо установить, к какому предмету оно относится, узнать понятийную соотнесённость этого предмета, а уж потом установить, что данный конкретный предмет называется так-то [4, с. 263]. Например, *Пушкин* (поэт, картина, город, кафе в Москве, теплотход). Этим определяется особое положение имён собственных в языке. Они в большей степени, чем имена нарицательные, *соотнесены с экстралингвистической информацией, с энциклопедическими знаниями, которые объективированы контекстом*.

Имена собственные в узком смысле слова определяют предмет, который назван существительным. Но это определение стремится к уникальности, к тому, чтобы по этому определению в сознании носителей языка возникал и сам предмет (субъект, субстанция). Ср.: *девочка Лариса, город Тамбов, планета Земля* и т. п. В случае отсутствия эксплицитно выраженного определяемого слова мы имеем имплицитную его выраженность, т. е. приложение, выраженное именем собственным, как бы включает в своё обозначение определяемое слово, конкретное содержание которого подсказывается контекстом, знанием ситуации общения со стороны говорящего и слушающего.

Имена собственные как особый структурно-семантический тип слов

В связи с определительной функцией имени собственного и с его традиционным статусом в качестве ЛГР существительного, возникает вопрос о том, насколько соотносятся эта функция и статус в составе существительного как части речи. *Можно ли описать лексическую семантику имени собственного через частеречную семантику существительного*, т. е. в классе

предметно-понятийных слов, обозначающих предмет (субстанцию)? Думается, это сделать достаточно сложно, поскольку имена собственные не обозначают понятий в традиционном их понимании (а именно в таком смысле определяется понятие в учебной литературе), так как, будучи единственными в своём классе, они не обобщают предметов. Но обозначают ли они вообще предмет в изолированном виде, в денотативном? Можно ли, например, определить семантику имени *Лариса* или названия *Тамбов* посредством семантики предмета, даже в широком смысле? На наш взгляд, сделать это без насилия над здравым смыслом достаточно трудно. Ср.: *Лариса* – это такой предмет? Какой? ***Понятия предмета (в широком смысле) есть в их толковании, но это не есть внутренне присущее им значение, оно появляется в толковании благодаря связи имени собственного с определяемым предметом (объектом).***

Говоря о степени самостоятельности имени собственного в позиции приложения, думается, мы имеем ***нарицательно-собственный комплекс***, представленный сочетанием нарицательного существительного и имени собственного типа *река Волга, город Тамбов*. Этот комплекс, как отмечалось выше, в определённом смысле можно соотнести с нумеративным комплексом (оборотом) типа *пять книг*, который воспринимается как единое целое и в высказывании оказывается единым членом предложения. Такого рода сочетания определяются как словосочетания с необходимым информативным восполнением. Думается, и в случае с именами собственными мы имеем такого же рода словосочетания с информативным восполнением. Их лексическая семантика – обозначение индивидуального названия – требует информативного восполнения посредством обращения к объекту, который они характеризуют (определяют). Это достигается путём употребления в сочетаниях с нарицательными существительными, и поэтому данные сочетания образуют смысловое единство, которое реализуется в

синтаксически устойчивом единстве (словосочетании), выполняющем функцию одного члена предложения. Показательны в этом плане дефисные сочетания типа приложение – имя собственное (чаще всего – географическое название) стоит перед определяемым словом – родовым наименованием: *Москва-река, Ильмень-озеро, Астрахань-город*. Ср. со случаями при обратном порядке слов, когда нет дефиса: *река Москва, озеро Ильмень, город Астрахань*. В качестве единого целого выступают такие устойчивые сочетания, как *Волга-матушка, матушка-Русь, Иван-царевич, Иванушка-дурачок*.

Что же касается высказываний с опущенным нарицательным существительным, выполняющим функцию определяемого слова типа *Волга находится в России*, то они нормативны и полноценны в смысловом плане, не нарушают общения, поскольку и говорящий, и слушающий прекрасно знают, что *Волга* – это река в России, а не озеро. В том же случае, когда слушающий не обладает знаниями о речных объектах в РФ, связанных и определяемых именами собственными, может возникнуть коммуникативный сбой и последовать вопрос: *Волга – это город в России?*, на который необходим ответ: *Нет, это река*. Поэтому, на наш взгляд, возможно понимание статуса имени собственного в качестве приложения как синтаксически несамостоятельного члена предложения. В силу их восполняющего характера, оно оказывается компонентом нарицательно-собственного (*апеллятивно-собственного*) словосочетания.

В результате индивидуально-обобщённое название, представленное сочетанием (оборотом, комплексом) нарицательного существительного и имени собственного, определяет восприятие индивидуального признака и предмета. Этот признак не воспринимается в отдельности от предмета, определяемого им. Индивидуальная характеристика как бы сливается в единое целое с предметом и оказывается своего рода ***единым предметом или объектом мысли***, выступая в качестве одного члена предложения

(Город Тамбов расположен в центре России. Когда мы к городу Тамбову подъезжали, то увидели красивую реку Цну). В этом **морфолого-синтаксическая специфика** имён собственных – *субстантивно-определятельная*: они по форме существительные, а по употреблению определительные (атрибутивные) слова, т. е. близки по функции к прилагательным.

Думается, среди средств выражения определительной семантики имени собственного *основным является синтаксическая позиция приложения*. Именно она обуславливает восприятие наименований типа *песца «Не в свои сани не садись»* в качестве собственных имён (в широком смысле), поскольку морфологических признаков, оформляющих их содержание, они не имеют. В этом плане теоретическую значимость представляет высказывание С. Д. Кацнельсона о характере грамматического оформления слов. Он пишет: «Подлежащее для нас – синтаксическая функция, *немыслимая вне языковой формы*. Но *формой* подлежащего *может быть* не только падеж, но и место в предложении. В беспадёжных языках словопорядок – основная форма обнаружения позиционных функций (выделено – А. Ш.) [3, с. 63–64]. В русском языке, конечно, словопорядок не является основной формой выявления позиционных функций. Однако в случае с именами собственными, когда речь идёт о широком их понимании и включении в их состав наименований, синтаксическая структура которых близка к предложенческому типу и вследствие этого не может иметь морфологическое оформление, *значимой оказывается позиция приложения*. Она позволяет наименованиям обозначать признак, единичный в своём классе, т. е. они оказываются в классе имён собственных.

С точки зрения *характера и природы собственных имён* как представителей категории слов важным оказывается мнение А. В. Суперанской о том, что «быть собственным именем – это свойство определенной лексической единицы» [4, с. 107]. Она считает, что «имя собственное – категория лексическая, а не грамматическая, и

грамматических критериев выделения его из категории имени вообще слишком мало, чтобы основываться на них» [4, с. 105]. Соглашаясь с определением собственных имён как лексических единиц, имеющих специфику обозначения ими предметов и явлений действительности, мы считаем, что грамматические обозначения для выделения этого класса слов присутствуют, в частности, для имён собственных в узком смысле. Широкое же понимание имён собственных, включающее наряду со словами сочетания слов и даже предложенческие структуры, вообще исключает их морфологическую квалификацию, делая основным средством для их выделения синтаксическую функцию.

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, есть все основания видеть в именах собственных (в узком понимании) **особый тип слов**, имеющих специфическую лексическую семантику. Однако поскольку в русском языке, как отмечал В. В. Виноградов, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и расклассифицированы [2, с. 18], то и в случае с именами собственными их лексическая семантика оказывается структурно (грамматически) оформленной. Но они, в отличие от нарицательных существительных, не имеют изменяемости по числам, не имеют числового противопоставления, будучи представлены только каким-либо одним числом – единственным (*столица Москва, река Волга*) или множественным (*горы Гималаи, журнал «Итоги»*). Кроме того, значимым для выделения имён собственных является их основная синтаксическая позиция – приложения. Появление их в других синтаксических позициях – подлежащего, дополнения – обусловлено заместительной функцией. Поскольку уникальный характер определений, названных именами собственными, вызывает достаточно однозначный выбор существительного, то происходит своего рода их субстантивация, вследствие чего и употребление в

позициях существительного. Ср. субстантивированное прилагательное *столовая* в словарном толковании имеет компонент *комната* и *Волга* – это *река*. Поэтому более правомерно говорить об именах собственных как **особом структурно-семантическом типе слов** (в понимании В. В. Виноградова), представляющем особый тип языковых знаков, сформировавшихся на основе единичного понятия, функциональность которого определяется употреблением в составе нарицательного оборота. В этом обороте именно нарицательный компонент представлен существительным, тогда как имя собственное, строго говоря, не есть собственное существительное в том смысле, в каком мы определяем существительное как часть речи. Поэтому более корректным представляется сочетание «имена собственные, именующие существительные», а не собственные существительные.

Естественно, признание за именами собственными статуса особого структурно-семантического типа слов не означает, что они не взаимодействовали с нарицательными существительными. Причём это взаимодействие было взаимным. С одной стороны, почти любое нарицательное имя может стать именем собственным (ср. *часы Чайка, катер Метеор, гостиница Рассвет* и т. д.). Такой переход называется **онимизацией**. С другой стороны, имена собственные могут служить производящей базой для нарицательных существительных (ср.: *кольт* (револьвер, который назван по имени американского конструктора С. Кольта), *ампер* (единица силы тока, которая названа по имени французского физика и математика А. М. Ампера) и т. д. В качестве словообразовательного средства очень часто выступает нулевая морфема – нулевой суффикс (*кольт, ампер*).

Особенно распространённым в русском языке является переход имён собственных в имена нарицательные при получении ими употребления во множественном числе. В таком случае принято говорить об **апеллятивации** собственного имени, его **деонимизации**. Процесс апеллятива-

ции обусловлен тем, что денотат имени собственного приобретает коннотацию, связанную со специфическим контекстом его употребления, когда имя собственное теряет свою индивидуальность по отношению к предмету, который оно определяет, и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга людей, поселений и т. п. Когнитивной основой для апеллятивации является прецедентный характер имени собственного, его социально-культурная значимость. Например, *Все эти чичиковы, собакевичи, плюшкины, маниловы часто встречаются в нашем окружении, в нашей жизни*. Здесь фамилии обозначают людей вообще, похожих на героев Н. В. Гоголя. В случае с апеллятивацией мы имеем дело с процессом вторичной номинации, который сопровождается морфологической или семантической деривацией. Обобщённый характер апеллятив получает за счёт употребления во множественном числе.

Рассмотрение имён собственных в аспекте соотношения частей речи и ЛГР позволяет сделать вывод о том, что они не являются ЛГР существительного, а представляют собой **особый тип языковых знаков (наименований, состоящих из слова или устойчивых сочетаний слов)**. Это находит отражение в лексической семантике (плане содержания) и в грамматическом оформлении (плане выражения).

Имена собственные (в том случае, когда они представлены словесными структурами) – это, скорее всего, самостоятельный лексический класс слов, которые выделяются в русском языке как особый структурно-семантический тип, как особый тип языковых знаков, имеющих своё категориальное значение, свой набор морфологических категорий и свою синтаксическую функцию. Поэтому их статус мы определяем не на уровне выделения ЛГР в составе существительного как части речи, а на уровне разных структурно-семантических типов слов. На важность учитывать разные структурно-семантические типы слов, как отмечалось выше, указывал В. В. Виноградов [10]. По его мнению, вы-

деление структурно-семантических типов слов должно предшествовать выделению и классификации частей речи [2, с. 31]. В связи с этим принципиально важным оказывается и другое высказывание В. В. Виноградова: «Традиционным решением вопроса об основных семантико-грамматических классах слов являются разные учения о частях речи. Но в этих учениях – при всей их пестроте – не учитываются общие структурные различия между основными типами слов. *Все части речи размещаются в одной плоскости* (выделено – А.Ш.)» [2, с. 30–31].

Можно ли квалифицировать имена собственные (в узком смысле) в качестве самостоятельной части речи? Можно, учитывая, что имена собственные являются членами расчленённой (членимой) речи. Но такая их квалификация оказывается, в принципе, избыточной, поскольку они выделяются и противопоставлены не в системе части речи, а в системе структурно-семантических типов слов, а скорее всего, в системе разных языковых знаков различной морфолого-синтаксической конфигурации.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
3. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
5. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). М.: URSS, 2010. 88 с.
6. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.
7. Шарандин А. Л. Актуальные и спорные вопросы русской морфемики. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 131 с.
8. Шарандин А. Л. Общие вопросы русской морфологии. Теоретические основы и практикум. Тамбов: Державинский, 2020. 164 с.
9. Шарандин А. Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: морфология. Тамбов: Издательство Тамбовского университета, 2001. 313 с.
10. Шарандин А. Л. Учение В. В. Виноградова о структурно-семантических типах слов: методологический характер и перспективы его реализации в русистике // Горизонты современной русистики. 2020. С. 695–702.

REFERENCES

1. Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskikh kategorii* [Theory of morphological categories]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 255 p.
2. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: grammatical teaching about the word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 616 p.
3. Katsnel'son S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and speech thinking]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 216 p.
4. Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General theory of a proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 367 p.
5. Ufimtseva A. A. *Leksicheskaya nominatsiya (pervichnaya neitral'naya)* [Lexical nomination (primary neutral)]. Moscow, URSS Publ., 2010. 88 p.
6. Fonyakova O. I. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper name in literary text]. Leningrad, Leningrad State University named after A.S. Pushkin Publ., 1990. 103 p.
7. Sharandin A. L. *Aktual'nye i spornye voprosy russkoi morfemiki* [Topical and controversial issues of Russian morphemics]. Tambov: Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2012. 131 p.
8. Sharandin A. L. *Obshchie voprosy russkoi morfologii. Teoreticheskie osnovy i praktikum* [General questions of Russian morphology. Theoretical foundations and workshop]. Tambov, Derzhavinskii Publ., 2020. 164 p.
9. Sharandin A. L. *Kurs lektii po leksicheskoi grammatike russkogo yazyka* [Course of lectures on the lexical grammar of the Russian language]. Tambov, Izdatel'stvo Tambovskogo universiteta Publ., 2001. 313 p.
10. Sharandin A. L. [V. Vinogradov's doctrine of structural and semantic types of words: methodological nature and prospects for its implementation in Russian studies]. In: *Gorizonty sovremennoi rusistiki* [Horizons of modern Russian studies], 2020, pp. 695–702.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарандин Анатолий Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина;
e-mail: sharandin@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly L. Sharandin – Doct. Sci. (Philology), Prof. Department of Russian Language, Faculty of Philology and Journalism, , Derzhavin Tambov State University;
e-mail: sharandin@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шарандин А. Л. Являются ли имена собственные лексико-грамматическим разрядом существительного? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 68–77.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-68-77

FOR CITATION

Sharandin A. L. Are Proper Names a Lexico-grammatical Category of a Noun? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 68–77.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-68-77